

Воскресенье, 11-го сентября 1911 г. № 200.

Годовая цена 1 рубль  
Число страниц 120  
Полная стоимость 12 рубль

# НИВЕРЖОЕ СЛОВО

Общественно-Экономическая, Политическая и Литературная газета.

## Чеховъ въ Сибири.

Изъ очередной 21 книжки „новаго“ Чехова, которая на-дняхъ должна выйти въ свѣтъ, „Кіев. Почта“ дѣлаетъ нѣкоторую выдержку, представляющую значительный интересъ.

Вотъ, напр., художественные образцы переселенцевъ:

„Обгоняемъ двѣ кибитки и толпу мужиковъ и бабъ. Это переселенцы.

— Изъ какой губерніи?

— Изъ Курской.

Позади всѣхъ плетется мужикъ, не похожій на другихъ. У него брѣтый подбородокъ, сѣдые усы и какой-то непонятный клананъ позади на сзади-гѣ; подъ мышками двѣ скрипки, завернутыя въ платки. Не нужно спрашивать, кто онъ и откуда у него скрипки. Непутевый, хворый, чувствительный къ холоду, неравнодушный къ водочкѣ рабочій, всю свою жизнь прожилъ онъ лишнимъ, ненужнымъ человѣкомъ сначала у отца, потомъ у брата. Его не отдѣляли, не женили... Нестоющій человѣкъ! На работѣ онъ зябнулъ, хмѣлялъ отъ двухъ рюмокъ, болталъ зря и умѣлъ играть только на скрипкѣ, да возился съ ребятами на печкѣ. Игралъ онъ и въ кабацѣ, и на свадьбахъ, и въ полѣ, и ахъ, какъ игралъ! Но вотъ братъ продалъ избу, скотъ и все хозяйство и идетъ съ семьей въ далекую Сибирь. И бобыль тоже. Идетъ—дѣваться некуда. Беретъ онъ съ собой и обѣ скрипки... А когда придетъ на мѣсто, станетъ онъ зябнуть отъ сибирскаго холода, зачахнетъ и умретъ тихо, молча, такъ что никто не замѣтитъ, а его скрипки, заставлявшія когда-то родную деревню и веселиться, и грустить, пойдутъ за двуривенный къ чужаку-цесарю или ссыльному; ребята чужака оборвутъ струны, сломаютъ кобылки, нальютъ внутрь воды... Вернись, дядя! Переселенцевъ я видѣлъ еще, когда плылъ на пароходѣ по Камѣ. Помнится мнѣ мужикъ лѣтъ сорока съ русской бородой; онъ сидитъ на скамьѣ въ пароходѣ; у ногъ его мѣшка съ домашнимъ скарбомъ, на мѣшкахъ лежатъ лѣтъ въ лапоткахъ и жмутся отъ холоднаго, рѣзкаго вѣтра, дующаго съ пустыннаго берега Камы. Лицо его выражаетъ: „Я уже смирился“. Въ глазахъ иронія, но эта иронія устремлена во внутрь, на свою душу, на всю прошедшую жизнь, которая такъ жестоко обманула.

— Хуже не будетъ!—говоритъ онъ и улыбается одной только верхней губой.

Бѣ отвѣтъ ему молчишь и ни о чемъ не спрашиваешь, но черезъ минуту онъ повзгоряетъ:

— Хуже не будетъ!

— Будетъ хуже!—говоритъ съ другой скамьи какой-то рыжій мужиченко не переселенецъ съ острымъ взглядомъ.

— Будетъ хуже!..